

A dark, gothic-style Victorian house at night. The house features a steep, dark roof with ornate wooden carvings. Several windows are illuminated from within, casting a warm, yellow glow. A balcony with a decorative iron railing is visible on the second floor. The overall atmosphere is mysterious and slightly ominous, typical of a horror or thriller movie poster.

Евгений Рубанов

Пиковая дама

Евгений Рубанов

Пиковая дама

<https://litres.ru/74262444>

SelfPub; 2026

Аннотация

В поэме «Пиковая дама» перед читателем разворачивается мистическая история о мальчике Вите, чьё кажущееся бесстрашие становится дверью в мир тайн и скрытых границ между светом и тьмой. Старый дом на окраине города хранит легенду о Пиковой даме — таинственной хранительнице равновесия, которая оберегает грань между тем, что людям стоит знать, и тем, что лучше забыть. Когда Витя переступает порог этого дома, он заключает необычную сделку: в обмен на свою плату он получает не магическую силу, а более тяжёлое и ценное знание — о том, что истинная храбрость состоит не в отсутствии страха, а в готовности смотреть ему в лицо и не позволять ему управлять собой.

Содержание

Пиковая Дама	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пиковая дама

Пиковая Дама

Витя не боялся ничего. Ни темноты, что стелилась по углам, будто густая тень чужого сна. Ни скрипов старого дома, похожих на шёпот забытых имён. Ни историй, которые взрослые рассказывали шёпотом, прикрывая ладонью рот, будто боялись, что слова вырвутся и станут правдой. В их городе старый дом на окраине давно жил своей жизнью. Говорили, что в нём когда-то жила женщина, которую все звали Пиковой дамой — не по имени, а по карте, что вечно торчала из её рукава, словно знак, предупреждение, проклятие. Говорили, она умела видеть то, что скрыто, и платить за это приходилось чем-то важным — тишиной, памятью, смехом. Говорили ещё, что она не умерла, а просто перешла туда, где время течёт иначе, где каждый шаг отзывается эхом, а каждое слово весит тяжелее камня. Витя слушал эти рассказы и только усмехался. Страх был для него чем-то чужим, как чужая одежда — неудобной, колючей, не по размеру. Он не понимал, как можно бояться того, чего не видишь. А если увидишь — значит, оно уже не тайна, значит, с ним можно поговорить. Однажды вечером, когда город накрыла густая, почти осязаемая тишина, Витя подошёл к старому дому. Ворота были перекошены, петли стонали, будто вспо-

минали чьи-то шаги. Он толкнул калитку, и она поддалась с протяжным вздохом, словно дом не то чтобы ждал его, но и не хотел прогонять. Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё — чем-то, что напоминало о забытых обещаниях. В коридоре висели зеркала, но в них отражалось не совсем то, что было перед ними: тени двигались чуть раньше, чем человек делал шаг, а в глубине стёкол мелькало что-то, похожее на улыбку. Витя поднялся по лестнице, ступеньки которой прогибались под ногами, будто не хотели держать тяжесть настоящего. На втором этаже была дверь с резной ручкой в форме пики. Он не колебался ни секунды — повернул её и вошёл. Комната была пуста, но не безжизненна. В центре стоял стол, а на нём — колода карт. Витя подошёл ближе. Карты были старыми, потрёпанными, с пожелтевшими краями. Он протянул руку и взял одну. Это была пиковая дама. И в тот же миг комната изменилась. Тени сгустились, воздух стал тяжёлым, будто пропитанным чужими воспоминаниями. Из полумрака выступила фигура — женщина в длинном тёмном платье, с лицом, которое казалось одновременно знакомым и чужим. Её глаза были глубокими, как колодцы, в которых не видно дна. — Ты пришёл сюда, потому что ничего не боишься, — проговорила она голосом, в котором слышался шорох сухих листьев и далёкий ветер. — Но знаешь ли ты, что бесстрашие — это тоже дар, и за него всегда требуют плату? Витя посмотрел на неё прямо, без отвращения взгляда. — Я ничего не боюсь, — повторил он. — Ес-

ли ты хочешь что-то взять — бери. Но сначала скажи, зачем ты здесь? Пиковая дама улыбнулась — не доброй улыбкой, а той, что бывает у тех, кто знает слишком много. — Я здесь, чтобы хранить границы, — ответила она. — Между тем, что можно знать, и тем, что лучше забыть. Между тем, что было, и тем, что ещё не случилось. И каждый, кто переступает этот порог, должен оставить что-то взамен. Не вещь, не деньги — а часть себя. Витя задумался лишь на мгновение. — А если я оставлю страх? — спросил он. — У меня его нет. Но, может, ты возьмёшь его как плату — будто он был, и теперь его нет даже в памяти? Женщина склонила голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышал никто другой. — Смелый выбор, — прошептала она. — Но помни: когда страх уходит, приходит ответственность. Ты больше не сможешь прятаться за ним. Тебе придётся смотреть на всё прямо — на боль, на несправедливость, на то, как ломаются чужие надежды. Ты готов к этому? Витя кивнул. — Готов. Пиковая дама протянула руку, и Витя вложил в неё карту. В тот же миг по комнате прокатилась тихая волна, будто кто-то провёл пальцем по струнам невидимого инструмента. Тени отступили, воздух снова стал лёгким, а женщина словно растворилась в полумраке, оставив после себя лишь лёгкий запах старых писем и далёкого дождя. Когда Витя вышел из дома, город уже не казался прежним. Он видел всё чуть яснее: как дрожит свет в окнах, как в каждом прохожем прячется своя история, как тишина может быть не пустотой, а пространством для слов,

которые ещё не сказаны. Он не стал рассказывать никому о том, что видел. Не потому, что боялся, что не поверят, — а потому, что некоторые вещи становятся настоящими только тогда, когда их хранишь в себе. С тех пор Витя попрежнему ничего не боялся. Но теперь он знал: бесстрашие — не отсутствие тьмы, а умение идти сквозь неё, не теряя света внутри. И иногда, когда ночь становилась особенно густой, ему казалось, что где-то в глубине теней мелькает знакомая фигура, и в её руке снова блестит карта с пиковой дамой — как напоминание, как знак, как тихий шёпот: «Ты помнишь свою плату. Теперь иди и будь достоин её». С тех пор дни шли, будто кто-то тихо перелистывал страницы огромной книги, и каждая страница была наполнена смыслом, который раньше оставался скрытым. Витя попрежнему бегал по улицам, лазил по старым чердакам, забирался туда, куда другие боялись ступить, но теперь в каждом его движении была не просто удаль — в нём чувствовалась ответственность, о которой говорила Пиковая дама. Однажды в город пришла беда: на окраине загорелся старый сарай, а рядом, дрожа от страха, стояла маленькая девочка — она не могла сдвинуться с места, будто ноги её приросли к земле. Люди метались, кричали, кто-то звал пожарных, кто-то пытался что-то сделать, но всё казалось бестолковым, суетливым, будто время растянулось и каждый миг стал вязким, как густой мёд. Витя увидел её сразу. Он не стал раздумывать, не стал ждать, пока кто-то другой примет решение. Он просто побежал туда, где было

страшнее всего. Пламя уже лизало стены, трещало, выдыхало жар, который обжигал даже на расстоянии. Но Витя не остановился. Он подбежал к девочке, схватил её за руку, и в тот миг, когда он коснулся её холодной ладошки, он вдруг понял: бесстрашие — это не когда сердце не бьётся, а когда оно бьётся так сильно, что заглушает все голоса страха.— Держись за меня! — крикнул он, и голос его прозвучал твёрдо, будто был выкован из чего-то прочного, нерушимого. Они побежали прочь, и пламя осталось позади, словно признало, что не сумело их достать. Девочка плакала, цепляясь за его рубашку, а Витя шёл рядом, не отпуская её руку, пока они не оказались там, где воздух был чистым, а небо — спокойным. Позже взрослые говорили, что это было чудо, что всё обошлось, что кто-то свыше уберёг. Но Витя знал правду: никто не уберёг. Просто он не позволил страху победить. И в этом была его сила — не в отсутствии страха, а в том, что он умел идти сквозь него. А ночью, когда город затих и только редкие фонари бросали на мостовую дрожащие пятна света, Витя снова почувствовал её присутствие — лёгкий холодок, пробежавший по спине, едва уловимый запах старых писем и далёкого дождя. Он поднял глаза и увидел в тёмном проёме окна старого дома тень, в которой угадывались очертания высокого силуэта. В руке тени мелькнул краешек карты — пиковая дама будто кивнула ему: «Ты держишь слово. Ты не прячешься. Это достойно». Витя кивнул в ответ, не вслух, а про себя, так, чтобы слышала только тишина. И пошёл даль-

ше по улице, зная, что впереди ещё много дорог, много испытаний, много мгновений, когда придётся выбирать между тем, чтобы отступить, и тем, чтобы шагнуть вперёд. С тех пор о Вите в городе стали говорить шёпотом, но уже не с опаской, а с уважением. Говорили, что он ничего не боится. А он улыбался про себя и думал: «Я боюсь. Просто я не позволяю страху решать за меня». И где-то в глубине теней Пиковая дама, возможно, улыбалась своей тихой, загадочной улыбкой — улыбкой той, что знает цену каждому выбору и бережёт границы между светом и тьмой, между тем, что можно знать, и тем, что лучше оставить тайной. Осень в городе становилась всё глубже, и вместе с ней будто сгущалась сама тишина — такая плотная, что в ней можно было расслышать даже шёпот далёких воспоминаний. В старом доме на окраине окна потемнели, словно в них отражалось не небо, а что-то иное — то, что лежит по ту сторону привычного мира. Однажды к Вите подошёл старик, который жил у реки и знал все городские легенды так, будто сам их создавал. Он посмотрел на мальчика долгим, внимательным взглядом и тихо сказал: — Говорят, ты был там, в том доме. Говорят, ты видел её. Витя не стал отнекиваться. Он просто кивнул. Старик вздохнул, будто с плеч его свалился тяжёлый груз. — Тогда ты должен знать ещё кое-что. Пиковая дама не просто хранит границы. Она хранит равновесие. И если где-то тьма становится слишком густой, она подаёт знак тем, кто не боится смотреть в эту тьму. Витя нахмурился. — Какой знак? — Тот, который ты не

сможешь проигнорировать, — прошептал старик и, не сказав больше ни слова, ушёл, оставив после себя лишь запах речной сырости и ощущение, будто только что прозвучало предупреждение. В ту же ночь Вите приснился странный сон. Он снова стоял перед дверью с резной ручкой в форме пики, но на этот раз дверь была приоткрыта, и из щели сочился не свет, а густая, тягучая тень, похожая на чернила. Из темноты доносился тихий голос — не злой, не угрожающий, но бесконечно усталый:— Там, где исчезает свет, начинается моя работа. Но сегодня тьма стала слишком жадной. Она хочет больше, чем ей положено. Витя проснулся с бешено колотящимся сердцем. Он не знал, был ли это просто сон, но чувствовал: что-то надвигается. На следующий день город будто замер. Ветер стих, птицы умолкли, даже шум далёкой улицы казался приглушённым, словно кто-то накинул на город тяжёлое одеяло. А потом Витя увидел это: на стенах домов, на заборах, на старых афишах — везде появлялись тонкие чёрные линии, похожие на трещины. Они ползли, соединялись, сплетались в узоры, напоминавшие вензеля, и в каждом узоре угадывался знакомый силуэт — острый профиль, длинный плащ, тень пики. Люди замечали эти линии, но лишь пожимали плечами: мол, краска облупилась, время берёт своё. Никто не видел в этом угрозы. Никто, кроме Вити. Он снова пошёл к старому дому. На этот раз он не испытывал ни волнения, ни предвкушения — только холодную решимость. Калитка скрипнула, как старая песня, которую все забыли,

но которая всё ещё звучит где-то в глубине памяти. Внутри дом будто ждал его. Тени двигались не хаотично, а по какому-то строгому рисунку, словно исполняли медленный, торжественный танец. В центре комнаты, там, где раньше стояла колода, теперь лежала однаединственная карта — та самая пиковая дама. Её глаза на рисунке казались живыми, будто следили за каждым его движением. И вдруг из полумрака выступила она — Пиковая дама. На этот раз в её голосе не было ни загадки, ни игры. Только тяжесть веков и тихая печаль. — Ты пришёл, — сказала она. — Я знала, что придёшь. Тьма нашла лазейку. Она просачивается сквозь трещины, которые люди не хотят замечать. Если её не остановить, она поглотит не только тени — она поглотит воспоминания, сны, голоса тех, кого любили. Витя сжал кулаки. — Что я должен сделать? Пиковая дама протянула ему карту. — Держи её. Не как оружие и не как проклятие — а как ключ. Тьма питается тем, что мы боимся назвать вслух. Твоя сила в том, что ты не прячешься. Пройди по городу и там, где трещины становятся слишком глубокими, прикоснись картой к стене. Скажи вслух то, чего люди боятся помнить: о потерях, о боли, о том, что было сломано и так и не починилось. Пусть эти слова не будут красивыми. Пусть они будут тяжёлыми. Но именно в них — свет. Витя взял карту. Она была тёплой, будто хранила что-то давно ушедшее тепло. Он вышел в город. И там, где чёрные узоры сплетались в зловещие вензеля, он прикасался картой к стенам и говорил. Он говорил о том, как страшно

бывает оставаться одному. О том, как горько терять тех, кто был дорог. О том, как тяжело бывает признать свою ошибку. И с каждым словом трещины начинали светлеть, словно впитывая в себя эту честность, и постепенно исчезали, уступая место обычной штукатурке, кирпичу, дереву — веществу мира, который держится на правде. К утру город снова стал обычным. Птицы запели, ветер принёс запах дождя и свежей листвы, а на стенах не осталось и следа от чёрных узоров. Люди просыпались, потягивались, выходили на улицы и улыбались новому дню, не подозревая, что минувшей ночью кто-то удержал равновесие. А Витя шёл по улице, и ему казалось, что где-то совсем рядом, в лёгком шорохе листьев, в отблеске солнца на мокром асфальте, в тихом вздохе старого дома — звучит едва уловимый голос:— Ты справился. Но помни: тьма всегда ищет лазейку. И она вернётся. Не для того, чтобы победить, а чтобы проверить, достоин ли ты своей силы. Витя улыбнулся — не радостно, а спокойно, как человек, который знает, что впереди ещё много дорог. Он спрятал карту в карман, поближе к сердцу, и пошёл дальше. Теперь он понимал: бесстрашие — это не отсутствие тьмы, а умение нести свет даже там, где кажется, что его уже не может быть. И пока он помнит об этом, Пиковая дама будет где-то рядом — не как угроза, а как молчаливая стражница границ, которая знает цену каждому выбору и бережёт равновесие мира. Зима пришла в город тихо, будто на цыпочках, и вместе с ней вернулась странная тишина — та самая, в ко-

торой слышно, как время отсчитывает свои осторожные шаги. Снег ложился на крыши, на тротуары, на старые заборы, но коегде, в самых тёмных углах, он казался не белым, а чуть сероватым, словно впитывал в себя чужую печаль. Витя теперь часто останавливался у этих мест — там, где снег будто не хотел лежать ровно, а собирался в причудливые завихрения, похожие на тени чьихто забытых слов. Он знал: тьма не ушла, она лишь притаилась, выжидая, когда люди снова перестанут замечать то, что прячется за обыденностью. Однажды утром он нашёл на подоконнике своего дома тонкую чёрную карту — пиковую даму. Она лежала поверх снежного узора, будто кто-то нарочно положил её так, чтобы Витя увидел сразу, едва открыв глаза. Карта была холодной, но не ледяной — в ней чувствовалось что-то живое, будто она хранила отголосок чьего-то дыхания. В тот же день к нему прибежал соседский мальчишка, дрожащий от волнения: — Витя, ты должен пойти со мной! В старом парке пропала кошка Мурка. Все искали, кричали, звали... А там, в глубине, за заброшенной беседкой, снег какой-то странный, будто его кто-то шевелил изнутри. И ещё... там слышатся шаги, хотя никого нет. Витя не раздумывал. Он сунул карту в карман, накинул куртку и пошёл следом. Парк зимой был совсем другим: деревья стояли, словно стражи, вытянув ветви, в молчаливом предостережении, а тропинки терялись в белёсой дымке, будто город специально прятал от людей то, что не стоило видеть. Когда они дошли до беседки, воздух стал

густым, тяжёлым, будто пропитанным чужим страхом. Снег вокруг был испещрён следами, которые не принадлежали ни человеку, ни зверю: они петляли, сходились и расходились, образуя странные узоры, напоминавшие те самые трещины, что когда-то ползли по стенам домов. И тут из полумрака выступила Пиковая дама. Её силуэт был нечётким, словно сотканным из морозного пара, но голос звучал ясно и твёрдо:— Тьма снова ищет лазейку. На этот раз она прячется в чужом отчаянии. Кошка не просто пропала — её затянуло туда, где собираются забытые страхи. Чтобы вернуть её, нужно не искать глазами, а услышать сердцем. Витя кивнул. Он достал карту и прижал её к ледяной колонне беседки. Холод пронзил пальцы, но он не отдернул руку.— Я слышу тебя, — тихо сказал он, обращаясь не к даме, а к самой тьме, к тем головам, что прятались в тишине. — Ты думаешь, что если мы боимся, значит, мы слабы. Но страх — это тоже голос. Он говорит: «Мне больно», «Мне страшно», «Я не хочу быть один». И я не дам тебе забрать то, что дорого другим. Слова прозвучали негромко, но в них была такая сила, что даже ветер, казалось, замер, прислушиваясь. И вдруг из глубины парка донёсся тихий, жалобный мям. Мальчик бросился туда, а Витя шёл следом, держа карту перед собой, как маленький щит из правды и смелости. Они нашли Мурку у старого дуба — она сидела, съёжившись, будто пыталась стать невидимой, а вокруг неё кружились лёгкие вихри теней, которые таяли, стоило Вите подойти ближе и тихо сказать:—

Всё хорошо. Ты не одна. Мы тебя нашли. Тени рассыпались, словно превращаясь в снежинки, и растворились в воздухе. Мальчик подхватил кошку на руки, прижал к себе, и она тут же замурлыкала, будто и не было никакого страха, будто всё это был просто дурной ...будто всё это был просто дурной сон. Но Витя знал: это не сон. Это его путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.